

Шкаф под лестницей. Вот где была моя спальня, пока я не получил письмо из Хогвартса, — Гарри едва заметно улыбнулся, вспоминая. — Они были в ярости, когда письмо адресовали "шкафу под лестницей". Думали, что ты знаешь и придешь, чтобы проклясть их всех, — его лицо омрачилось. — Конечно, никто так и не пришел. Северус с беспокойством наблюдал, как Минерва прижимает салфетку к губам, сдерживая слезы. К счастью, Поттер, казалось, не замечал их. — Тогда они меня не сильно задевали. Ну, иногда шлепали, а тетя Петунья однажды ударила меня сковородкой по голове, потому что я сжег завтрак. Но в основном наказания ограничивались лишением вещей. Мне не разрешали ездить на школьные экскурсии или покупать новые вещи, потому что говорили, что я все испорчу, — голос Гарри звучал ровно, но в нем сквозила глубокая печаль. — Судя по снимку, вы сломали руку, когда вам было пять лет, — мягко вмешалась Поппи. — Вы можете вспомнить, как это случилось? — Дядя Вернон столкнул меня с лестницы, — категорично заявил Гарри. — Почему? — спросила Поппи в шокированной тишине. Гарри пожал плечами. — Просто так, наверное. Я ему мешал. Трое взрослых молча слушали, как Гарри рассказывал о годах мучений на Тисовой улице и об эскалации насилия после поступления в Хогвартс. — Летом на втором курсе он впервые начал использовать ремень, — Гарри говорил, как будто сам не мог поверить в эти слова. — Я не знаю точно, что произошло, но мне кажется, что в тот год все изменилось. Это больше не было наказанием. Казалось, что он просто бьет меня ради удовольствия. — Они повесили на дверь висячие замки, поставили кошачью задвижку, чтобы можно было передавать еду. Заперли все мои школьные вещи, и я не мог делать домашние задания. В тот год я научился делать "гламур", — Гарри произнес это слово с горечью, как будто оно было для него чем-то постыдным. — Почему? — взволнованно спросила профессор МакГонагалл. — Почему вы скрывали это и не пытались получить помощь? Гарри некоторое время обдумывал вопрос. — Наверное, мне было неловко, и я не хотел давать всем повод плясать на меня. Вся школа только что пережила историю с "наследником Сильтерина", и люди снова стали относиться ко мне нормально. Я не хотел ничего менять, и, кроме того, все стало лучше. — Стало лучше? — скептически спросил Северус. — В каком смысле? — Сириус, — сказал Гарри с грустной улыбкой. — На следующее лето у меня появился Сириус. Мои тетя и дядя были в ужасе от него, и они знали, что я с ним общаюсь. В тот год меня ни разу не ударили. Они по-прежнему ужасно кормили меня и давали столько работы по дому, что к концу каникул у меня руки кровоточили, но это было гораздо лучше, чем раньше. Гарри сделал паузу и отпил еще глоток воды. — Следующее лето было не таким хорошим. Это было сразу после возвращения Волдеморта, и меня мучили кошмары, и я постоянно просыпался от них. Меня немного шлепали, но ничего серьезного. Мне кажется, они начали сомневаться, что Сириус действительно существует. — Что изменилось прошлым летом? — спросила Поппи, ее сердце уже знало ответ. — Я потерял Сириуса, — Гарри произнес имя своего крестного и впервые почувствовал, как на глаза навернулись слезы. Он опустил глаза на колени, старательно избегая взгляда взрослых. — Мистер Уизли и Муди поговорили с дядей Верноном на вокзале и сказали, что недовольны тем, как со мной там обращаются. Вернон был в ярости. Я не успел и двух шагов ступить в дверь дома, как он меня ударил. Я вообще не помню той ночи, — сказал Гарри, его голос дрожал. — Он избил меня до потери сознания и просто бросил в коридоре. — Директор написал им письмо, в котором сообщал, что мой крестный умер и что они должны быть со мной очень добры, — Гарри разразился горьким смехом, а затем со всхлипом уронил голову на руки. Северус пересел на стул и, не раздумывая, заключил дрожащего мальчика в свои объятия. Так они просидели долгое время, Гарри плакал до тех пор, пока ему не стало казаться, что его сердце разорвется, а его руки крепко вцепились в руку профессора. Северус гладил мальчика по спине, сжимал в руках платок, и в конце концов Гарри затих. — И так было всё лето? — спросил Северус, его голос звучал хрипло, но с нежной заботой. Гарри кивнул. — Он бил меня почти каждый день. Они выпускали меня из комнаты только в туалет утром и вечером и блокировали все мои письма. Было несколько моментов, когда я не знал, переживу ли я это лето. Они давали мне еду каждый второй день. Гарри поднял голову и посмотрел на

поражённого главу дома, его глаза были красными и опухшими. — Я знаю, что должен был сказать вам, но я думал о том, что впереди только одно лето, и я знаю, как опасно, чтобы кто-то другой поселил меня у себя сейчас. Я не хочу, чтобы кто-то еще умер из-за меня. Северус крепко обнял расстроенного юношу, сидящего рядом с ним, и услышал, как Минерва повторила его слова, сказанные неделю назад. — Гарри, тебе шестнадцать лет, и ты не должен беспокоиться о таких вещах. Пусть нас волнуют вопросы безопасности. Тебе нужно сосредоточиться на том, чтобы быть подростком. Это работа на полную катушку. Гарри слабо улыбнулся. — Хорошо, — прошептал он, — я постараюсь. Поппи аккуратно перечисляла все основные травмы из списка, а Гарри объяснял, как произошла каждая из них, в то время как взрослые все больше и больше злились. Северус сидел на подлокотнике кресла Гарри, его рука по-прежнему лежала на спине мальчика, и Минерва заметила, как Гарри склонился к нему. Она высморкалась, очень тронутая этим общением и понимая, о чём говорила Поппи все эти годы. Это был Северус Снейп, которого она никогда раньше не встречала, и она была полна решимости завязать с ним знакомство. Когда все закончилось, было уже за пять, и за окнами кабинета уже стемнело. Гарри выглядел измученным, и, выключив записывающее устройство, Поппи с беспокойством наблюдала за тем, как он неуверенно стоит на ногах. Не обращая внимания на профессиональный голос в голове, она подошла к мальчику и обняла его. Она почувствовала, что Гарри на секунду замешкался, а затем вздохнула с облегчением, когда он расслабился в ее объятиях и положил голову ей на плечо. — Если у тебя нет возражений, Гарри, я думаю, тебе стоит остаться на ночь в больничном крыле, — тихо сказала она ему на ухо, и Гарри кивнул, слишком уставший, чтобы спорить. — Минерва, ты не могла бы его устроить? — спросила Поппи. Гарри позволил главе дома подвести себя к одной из кроватей и благодарно улыбнулся, когда она превратила его больничный халат в пару плотных синих пижам. Взмахнув палочкой, она привела спинку кровати в сидячее положение, затем помогла ему забраться под одеяло и села рядом с ним на кровать. — Гарри, — густо сказала она, взяв его руку в свою. — Я хочу сказать тебе, как я горжусь тобой. Я знаю, что сегодня тебе было очень тяжело, но ты был невероятно храбрым. Она замолчала, фыркнув, и на ее лице отразилась такая глубокая печаль, какой Гарри еще не видел. — Я также хочу извиниться перед тобой за то, что каждый год отправляла тебя обратно к этим чудовищам, — продолжила она. Гарри покачал головой. — Это не ваша вина, профессор. Вы не знали. — Нет, но я должна была знать, — грустно произнесла она. — Мы все очень сильно подвели тебя, Гарри, и я обещаю, что с этого момента мы будем вести себя лучше. Гарри сжал ее руку и, слабо улыбаясь Снейпу, который проходил мимо с каменным лицом, прошептал: — Я знаю.